

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Рыженков Андрей Сергеевич

«Солнечная» касыда Ахмета-паши

Направление: 032100 «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: *Тюркская филология*)

Научный руководитель: *к.филол.н., Образцов А.В.*

Рецензент: *к.филол.н., Пылев А.И.*

Санкт-Петербург

2016

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
БИОГРАФИЯ	6
ОБРАЗЫ ЛУНЫ	15
ОБРАЗЫ НЕБЕСНОГО СВОДА	22
СОЛЯРНЫЕ ОБРАЗЫ	26
ПАРАЛЛЕЛИ	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	41
ПРИЛОЖЕНИЕ	43

Введение

Ахмет-паша считается одним из самых известных поэтов Османской империи середины XV века. Он был поэтом первого ряда, поэтому его жизнь и произведения привлекали внимание большинства исследователей османской диванной литературы. В своей работе «Поэты средневековой Турции» довольно подробно останавливается на личности Ахмета-паши Виринея Стефановна Гарбузова.¹ И даже предлагает переводы отрывков из нескольких его произведений. Агафангел Ефимович Крымский касается подробностей биографии Ахмета-паши в своем труде «История Турции и её литературы от расцвета до начала упадка».² Крымский в своей работе последовательно ссылается на книги зарубежных ученых Хаммера и Гибба. Йозеф фон Хаммер-Пургшталь исследовал творчество Ахмета-паши в своей фундаментальной работе «История османской поэзии».³ Однако переводы интересующей нас касыды там отсутствуют. Исчерпывающее исследование биографии и особенностей творчества поэта провел в «Истории османской поэзии» шотландский востоковед Илайес Джон Вилкинсон Гибб.⁴ В его книге присутствует и небольшой переведенный на английский отрывок из «Солнечной» касыды. Что касается турецких исследователей, то хотелось бы обратить внимание на Али Альпаслана и его книгу, посвященной Ахмету-паше, где он разбирает и переводит на современный турецкий язык множество дошедших до нас образцов поэтического мастерства Ахмета-паши⁵; Атилла Шентюрк в «Антологии османской поэзии» дает подробный историко-культурный комментарий, касающийся «Солнечной» касыды⁶; и, конечно, на диван поэта, собранный турецким ученым Али Нихатом Тарланом, текст «Солнечной» касыды из которого служил объектом исследования в настоящей работе.⁷

¹ Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л.: 1983. С.118-125.

² Крымский А.Е. История Турции и её литературы от расцвета до начала упадка. Т.2. М.: 1910. С.53-56.

³ Hammer-Purgstall J.v. Geschichte der osmanischen Dichtkunst bis auf unsere Zeit. B. 1. Pest: 1836. S. 128-205.

⁴ Gibb E.J.W. A history of ottoman poetry. V.2. London: 1902. S.40-70.

⁵ Alpaslan A. Ahmet Paşa. Ankara: 1987.

⁶ Şentürk A. A. Osmanlı Şiiri Antolojisi. İstanbul: 1999. S. 55-86

⁷ Tarlan A. N. Ahmet Paşa divanı. Ankara: 1992

В отечественной тюркологии, к сожалению, за исключением Виринеи Стефановны Гарбузовой и Агафангела Ефимовича Крымского творчеством Ахмета-паши никто серьезно не занимался. У Виринеи Стефановны в «Средневековых поэтах Турции» есть и перевод начальных бейтов «Солнечной» касыды, который, впрочем, довольно серьезно расходится с переводом, подготовленным для настоящей работы.⁸ Часть касыды переведена В. Тихомировым с подстрочника И. Боролиной в сборнике «Из старой турецкой поэзии».⁹ Али Альпаслан в своей работе дает только перевод «Солнечной» касыды и достаточно бедный историко-культурный комментарий. За богатым комментарием следует обращаться к Атилле Шентюрку, однако комментарий его скорее погружает в реалии, описанные в «Солнечной» касыде, и не касается собственно литературных её особенностей. В данной работе мы постараемся руководствоваться именно литературоведческим подходом, однако реалии не вполне понятные русскому читателю, попробуем объяснить, обращаясь в первую очередь к работе Атиллы Шентюрка.

Таким образом, представленный в данной работе перевод является первым полным переводом «Солнечной» касыды Ахмета-паши на русский язык.

Актуальность данной работы определяется тем, что исследуемая касыда в отечественном востоковедении является практически не исследованным образцом творчества Ахмета-паши. Да и никто из перечисленных выше зарубежных ученых не подходил к изучению «Солнечной» касыды с позиций собственно литературоведения.

Целью настоящей работы является характеристика творческого метода и образной системы «Солнечной касыды» Ахмета-паши. Для достижения поставленной цели будут выполнены следующие задачи:

- Знакомство с существующими исследованиями зарубежных ученых

⁸ Гарбузова, С. 121-122.

⁹ Из старой турецкой поэзии. М: 1978. С. 81.

- Перевод касыды на русский язык
- Вычленение космологических образов в касыде
- Проследить их использование для восхваления персоны шаха

Исследование будет проведено при использовании структурно-семантического метода.

Солнечная касыда, как и любая другая касыда классического османского периода, является произведением панегирического характера. Посвящена она восхвалению качеств правящего падишаха, а именно Мехмета II Фатиха, приближенным которого являлся Ахмет-паша. Касыда известна в двух списках: в 68 бейтов и в 70 бейтов. Али Альпаслан и Атилла Шентюрк опираются именно на 70-бейтный вариант, однако в настоящей работе мы берем за основу 68-бейтный, опубликованный в диване поэта, собранном Али Нихатом Тарланом. К сожалению, откуда был взят 70-бейтный вариант сказать сложно, Альпаслан и Шентюрк не дают ссылки, поэтому было отдано предпочтение тому варианту, который был опубликован именно в книге Али Нихата Тарлана. Вся касыда и включенная в неё газель написаны размером Fâ'ilâtün Fâilâtün Fâ'ilâtün Fâ'ilûn.

Биография

Ахмет-паша (Бурсский) (Ahmed Paşa Bursalı) считается одним из крупнейших османских поэтов XV века. Где точно родился поэт неизвестно, авторы тезкере не могут сойтись в едином мнении. Латифи в своем тезкере и Али в труде Кюнхюльяхбар («Kühü'l-Ahbar»; рус. «Суть событий») называют местом рождения поэта Бурсу. В других источниках – тезкере Сехи и поэтической антологии Белига – утверждается, что родился он в Эдирне. Ашик Челеби, в свою очередь, также считает, что Ахмет-паша родился в Эдирне, ссылаясь при этом на личный разговор с двоюродным братом поэта Назыром Челеби. Также весомым аргументом в пользу Эдирне может служить тот факт, что до последнего времени в этом городе был целый квартал и молельня, которые носили имя поэта.¹⁰ Фаик Решад Бей в своем произведении «Эсляф» («Eslâf»; рус. «Предки») по непонятным причинам заявляет, что поэт родился в ныне греческом городе Дидимотихо.¹¹ Мы же будем придерживаться, в силу вышесказанного, той точки зрения, что поэт родился в Эдирне, а Латифи и Али называли местом его рождения Бурсу, скорее всего, из-за того, что там он провел большую часть своей жизни.

Про семью поэта известно мало. Отец поэта Мевляна Велиуддин бин Ильяс был крупным государственным деятелем, кадиаскером Мурада II. Хотя Шекаик Терджюмеси (речь идет о труде на арабском 16 века Ташкёпрюлюзаде Ахмеда «Şakâik-i Numaniyye» (рус. Пионов цвет). Переведен на турецкий Меджди-эфенди. («Şakaık Tercümesi»; рус. «Перевод пиона») и называет Ахмета-пашу потомком пророка по линии Хюсейна, это скорее традиция — относить выдающихся исторических лиц к потомкам пророка, чем историческая правда. Впрочем, в одном из своих арабоязычных стихов Ахмет-паша и сам называет себя сеидом.¹² Про отца поэта также известно, что в 830/1426 году он создал вакф по попечительству и благоустройству мечети Мурадие в Эдине и то, что в его честь поэт из

¹⁰ Alpaslan, 1.

¹¹ Tarlan, 11.

¹² Ibid., 11.

Бурсы Сафи написал касыду. Однако, согласно тезкере Сехи, эта касыда была написана исключительно ради того, чтобы добиться освобождения поэта из тюрьмы, куда тот попал из-за оскорблений и клеветы на своих соперников. Впрочем, можно сделать вывод, что Велиуддин был не чужд искусству поэзии, следовательно, Ахмет-паша с малых лет был погружен в культурную жизнь.¹³

Что касается времени рождения поэта, то руководствоваться в этом вопросе мы можем только предположением, высказанным Мехметом Фуат Кёпрюлю в Исламской энциклопедии. Ученый, опираясь на известные нам даты основания вакфа Велиуддином и начала карьеры Ахмета-паши, делает вывод, что родился поэт примерно в 830/1426 году.¹⁴

Учился Ахмет-паша в Эдирне. Во времена правления Мурада II этот город был не только столицей государства, но ещё и культурным и научным центром. Кроме основного курса поэт в совершенстве освоил арабский и персидский языки. Сразу после окончания медресе он, очевидно по протекции отца, становится мюдerrисом в медресе Мурадие в Бурсе. В 855/1451 году он получает повышение и занимает пост кадия Эдирне, которым до него был небезызвестный Молла Хюсрев, близкий друг Мехмета II Фатиха.¹⁵

На престол восходит Мехмет II Фатих, и Ахмет-паша быстро привлекает его внимание. Ахмет-паша становится кадиаскером, чуть позже мусахибом (личным компаньоном) и ходжой султана. Такого быстрого возвышения Ахмет-паша добился как благодаря успехам на государственном поприще, так и благодаря тому вниманию, которое он выказывал султану; поэт написал множество стихов в его честь, да и сам Фатих был большим ценителем искусств и наук, он страстно любил стихи. Остроумие и поэтический талант Ахмета-паши вызывали у него симпатию. В итоге Ахмет-паша становится визирем.

¹³ Alpaslan, 1.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid., 2.

Согласно Шекаик Терджюмеси, во время осады Константинополя Ахмет-паша неотлучно находился при султানে, а в последние дни был вместе с Акбыйык Султаном отправлен под крепостные стены, к Акшемседдину, для поднятия боевого духа войск.¹⁶ Сехи отмечает, что из-за своей дотошности и привычки скрупулезно изучать каждый вопрос Ахмет-паша в армейской среде удостоился прозвища «сипахийский муфтий».¹⁷

После взятия Константинополя одной из обязанностей Ахмета-паши становится представление ко двору новых поэтов. Как было уже отмечено, Мехмет Фатих очень любил стихи и даже сам писал их под псевдонимом Авни. С задачей своей Ахмет-паша справлялся вполне успешно, даже сделал это небольшой подработкой, требуя взятки у тех, кто хотел войти в близкий к султану поэтический круг.¹⁸ Что касается собственного творчества, то в это время Ахмет-паша пишет в основном стихи панегирического содержания в адрес падишаха, самые известные из них – касыды с редирами «Каср» и «Гюнеш», на них позже будет написано множество назире. Именно касыда с редифом «Гюнеш», традиционно называемая в русскоязычной литературе «Солнечная» касыда, будет рассматриваться в этой работе.

Нет никаких сомнений, что столь преданный государству и султану человек, обладавший столь внушительным списком достоинств, да к тому же любимый правителем, не мог не обзавестись толпой завистников. Так или иначе, их заботами Ахмет-паша был удален из дворца и изгнан из Стамбула. Причиной же, по которой он попал в опалу, Сехи, Латифи, Хасан Челеби и Беяни называют вражду между Ахметом-пашой и одним из личных слуг султана, над которым активно издевался поэт. Мехмет Фатих прознал о существующей неприязни, и, чтобы проверить, правдивы ли дошедшие до него слухи, он повелел всем своим слугам убирать волосы под колпак. Ахмет-паша, как только увидел своего недруга в таком виде, не сдержался и составил следующий бейт:

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Günay K. Ahmet Paşa Bursalı // İslâm Ansiklopedisi. C.2. İstanbul: 1989. S. 111.

¹⁸ Alpaslan, 2.

Красавица, спрятавшая волосы, не утаит, что она из неверных.

Кто локоны свои срезает, правоверным от этого не становится сразу.

Здесь считывается аллюзия на то, что пажи во дворце были по преимуществу христианского происхождения. Они набирались по системе девширме из христианских провинций, принимали ислам и воспитывались в традиционном мусульманском духе.

Фатих от этой эпитафии пришел в ярость, лишил поэта всех постов и посадил в Капыджиляр одасы – особое помещение, в котором помещались привратники султанского дворца. Не стоит думать, что это был одномоментный срыв султана, Ашик Челеби отмечает, что до этого вокруг Ахмета-паши плелось множество интриг. Итак, во время своего нахождения в Капыджиляр одасы (Хотя Латифи говорит, что поэт сидел в Семибашенном замке), поэт сочиняет известную касыду «Керем», объемом в 35 бейтов, которую отправляет султану, в надежде, что тот отменит смертный приговор и простит его. Расчет оправдался, падишах простил его, но удалил из дворца и отправил в Бурсу. До конца жизни поэт так и не вернется в Стамбул. Мехмет Фуат Кёпрюлю считает, что опала, в которую попал поэт, произошла по причине жестокого, капризного, надменного характера Мехмета Фатиха, который отмечается всеми историками его правления. Говорить, что в случившемся виноват один только поэт, пожалуй, не стоит.¹⁹ Али Нихат Тарлан в предисловии к своему изданию дивана Ахмет-паши высказывает иную точку зрения на причину опалы. Он отмечает, что легенда о ссоре Мехмета Фатиха и Ахмета-паши, изложенная чуть выше, может оказаться более поздней мотивировкой. Как смертная казнь, фигурирующая в конце предания, так и отсылка на неё в одном из бейтов касыды «Керем» не внушают доверия исследователю. Сложно даже представить, что такой просвещенный и покровительствующий наукам и искусствам правитель, может ни с того ни с сего приговорить к смерти своего любимого визиря из-

¹⁹ Ibid., 4.

за какой-то странной перепалки. Более того, никто из составителей тезкере, включавших в свои сборники это предание, не старался выяснить, насколько соответствует содержание касыды «Керем» реальности. По неизвестной нам причине, считается, что содержательно эта касыда есть только попытка человека, попавшего в опалу, заново заполучить расположение государя. Вполне вероятно, что написанная в страхе за собственную жизнь касыда имеет абсолютно иной смысл. Как особенности характеров Мехмета Фатиха и Ахмета-паши, так и дух и стиль самой касыды явно свидетельствуют, что описанные в предании события никак не могли происходить на самом деле. Однако достоверно известно, что что-то все-таки произошло между визирем и султаном, и в результате этого Ахмет-паша впал в немилость и был удален из дворца.²⁰

Однако И. Д. В. Гибб приводит и иную версию опалы Ахмета-паши, которая совсем не затрагивается турецкими исследователями. Ссылаясь на Латифи, он утверждает, что поэт был известен своей любовью к красоте молоденьких мальчиков, которые набирались в пажи по системе девширме. К одному из пажей Ахмет-паша воспылал особенной любовью, и когда того из-за некоторой оплошности заковали в кандалы, тут же сымпровизировал следующие строки:

Сожжена будь земля! Та сладкая и ласковая Свеча,
Плача, лежит, закованная в железо.

Если бы он только продал свои губы как сладости Ширази,
Смог бы купить и Каир, и Бухару, и Самарканд.

Фатих воспринял эти строки как личное оскорбление и приказал поместить поэта, здесь тоже отличие от предыдущего варианта истории, в Семибашенный замок. Продолжения историй уже не различаются.²¹

В Бурсе он назначается управляющим вакфами Орхание, Мурадие и Эмир Султан с поденным содержанием в 30 акче (гигантские для того

²⁰ Tarlan, 12

²¹ Gibb E.J.W. A history of ottoman poetry. London, 1902. V.2. S.42-43

времени деньги).²² В Летаиф-намэ («Letaif-name»; рус. «Книга шуток») Ламии можно найти разные исторические анекдоты о его роскошной жизни в Бурсе, жестком и одновременно прижимистом характере, а также о тех поэтах, которых Ахмет-паша собрал вокруг себя.²³ Службой своей он доволен не был, поэтому, когда в Бурсу проездом прибывает Мехмет Фатих, Ахмет-паша по своим каналам передает султану стихотворение, которое, как надеется поэт, сможет снова расположить к нему падишаха. План удается только частично, в Стамбул Ахмет-паша не возвращается, но становится санджак-беем в Султаноню (Султандере). Позже занимает тот же пост в Тирэ и Анкаре. Этим он тоже не доволен и снова, уже из Анкары, шлет падишаху письмо с просьбой о прощении. Но, когда письмо достигает Стамбула, Мехмет Фатих умирает, и ответа на него не следует.²⁴

На престол вступает Баязид II, Ахмет-паша не упускает возможности отправить ему приветственное стихотворение, с воспоминаниями о чудесном прошлом. План срывается, Баязид начинает покровительствовать Ахмету-паше, к тому возвращается его влияние. Но в Стамбул его так и не зовут, султан назначает его санджак-беем в Бурсе, где Ахмет-паша проведет всю оставшуюся жизнь.²⁵

Как поэт, Ахмет-паша популярен настолько, что слава его достигает даже двора Хусейна Байкара, правителя Хорасана. Согласно легенде, известной из тезкере Ашика Челеби, Алишер Навои послал ко двору Баязида II тридцать две свои газели, которые султан, в свою очередь, перенаправил Ахмету-паше.²⁶ По приказу падишаха поэт переводит одну из газелей Алишера Навои, и, по старой доброй привычке, в конце перевода тонко намекает, что для большей реализации поэтического таланта, для творческого расцвета, который ведет к подъему культурного уровня всей

²² Alpaslan, 4.

²³ Günay K., 111.

²⁴ Alpaslan, 6.

²⁵ Ibid.

²⁶ Günay K., 112.

державы, поэту, то есть ему, следует находиться при дворе своего правителя, как Алишер Навои при дворе Хусейна Байкара.

Скончался поэт в 902/1497 году в Бурсе и был похоронен в отдельном мавзолее рядом с мечетью Мурадие и медресе, которое было построено по его поведению.

О личной жизни и семье Ахмета-паши мы знаем очень мало. В его диване есть тарих на арабском языке, посвященный смерти его брата Абубакра Челеби в 867/1462 году. В Шекаик Терджюмеси есть информация, что у Абубакра был сын, соответственно, у Ахмета-паши был племянник.²⁷

Хотя большинство источников, в числе которых и ранее упоминавшийся Шекаик Терджюмеси, сходятся на том, что Ахмет-паша не был женат, Ашик Челеби придерживается иного мнения. Он, ссылаясь на двоюродного брата поэта Назыра Челеби, утверждает, что за Ахмета-пашу была выдана одна из наложниц Мехмета Фатиха, дама по имени Тути, от этого брака родилась дочь, которая скончалась в возрасте восьми лет. В качестве приданного Тути, султан пожаловал Ахмету-паше деревеньку Этмекчи в окрестностях Эдирне.²⁸

В составленном по указу Баязида II диване стихов поэта, имеется восемь панегириков в адрес султана. В диване поэта, собранном профессором Али Нихатом Тарланом, есть также стихи на арабском и персидском языках. Имеются также вставки (müfred) на греческом языке. Этот диван начинается с восьмибейтной басмалы, далее идет восхваление в адрес Баязита II на 120 бейтов. Далее: касыда в честь пророка, терджибент Эмир Султан, Шейху Таждеддину, Шейху Вефа, Мехмету Фатиху, Баязиду II, Султану Джему. Очень известна посвященная Мехмету Фатиху касыда с редифом «kerem», а также касыды с редифами «benefşe» и «ab». Всего в диване 352 газели, одно мюребба, девять стихотворений на арабском, 16 газелей на персидском, 12 незаконченных стихотворений и мюфредов. Всего

²⁷ Alpaslan, 7.

²⁸ Günay K., 112.

на арабском, персидском и тюркю 28 тарихов, 48 мукатта, 49 мюфред (отрывков).

Исследователи XX века Давут Зеки Пынар и Али Нихат Тарлан, в своих работах, посвященных творчеству Ахмета-паши используют 14-15 списков дивана поэта. Впрочем, это не все существующие списки, некоторое их число храниться как на территории современной Турции, так и за её границами, например, один из списков находится в Берлине.

Источники, повествующие о жизни Ахмета-паши, единогласны в мнении, что человеком он был необычайно тонкого и острого ума. Просмотрев его диван с такой точкой зрения невозможно не согласиться. В свое время Ахмет-паша получил титул султана поэтов, списки его стихов бродили по рукам как в Анатолии, так и в Румелии.

Всех последующих османских поэтов Ахмет-паша считал собственными учениками. Среди тех, кто писал назире на стихи Ахмета-паши были Ресми, Сафи, Ахи, Лямии, Неджати, Бакы. Весьма прославили Ахмета-пашу и те назире, которые он написал на Алишера Навои, о чем говорит Хасан Челеби, которого поддерживают Намык Кемаль и И. Д. В. Гибб, предполагая, что суть его популярности и известности именно в этих переводах. Впрочем, Исламская энциклопедия считает эти подозрения беспочвенными. Благо, стихи Алишера Навои появились в Анатолии только во времена царствования султана Баязида II, а Ахмет-паша к этому моменту был известным и уважаемым поэтом.

Во второй половине XIX века, как среди авторов тезкере той эпохи, так и среди таких авторитетных писателей как Зия-паша и Муаллим Наджи Ахмет-паша считался величайшим турецким поэтом наряду с Шейхи и Неджати. Но и они, и такие авторы как Узун Фирдоуси, Джафер-челеби и Латифи отмечают, что Ахмет-паша находился под большим влиянием иранской литературы. Особенно повлияли на него такие персидские поэты как Сельмани Саведжи, Кемали Ходженди и Катиби. Он даже делал переводы некоторых из их произведений. Из османских поэтов, повлиявших

на Ахмета-пашу, стоит выделить Ахмеди, Мелихи, Шейхи и Атаи. Мелихи он считал своим учителем и даже способствовал его появлению при дворе Мехмета Фатиха.

У Сехи мы встречаем упоминание о поэме «Лейла и Меджнун» авторства Ахмета-паши, но скорее всего это ошибка, ни в одном источнике больше мы такой информации не находим.²⁹

²⁹ Günay K., 112.

Образы луны

В том списке касыды, по которому была написана настоящая работа, мы выделяем образ луны в следующих бейтах:

- №13. Луна представляется как голубь, к которому солнце прилаживает серебряное крыло. Сходство здесь проявляется по цвету. Впрочем, здесь не очень понятно, идет ли речь собственно о луне, или о полумесяце. Подобное разночтение мы видим и у турецких авторов: Али Алпаслан считает, что крыло — это гало вокруг луны, очевидно полной.³⁰ Атилла Шентюрк придерживается точки зрения, что речь идет о полумесяце, и его изгиб напоминает два крыла.³¹ Позволим себе, придерживаясь точки зрения Атиллы Шентюрка.
- №14. Луна представляется в виде чаши курительницы. Здесь речь очевидно идет о месяце, хотя его наклон и может вызвать некоторые вопросы.
- №24. Месяц — серебряное кольцо на воротах величия. Действительно, для османской архитектуры кольцо — один из заметнейших декоративно-прикладных элементов.³²
- №25. Луна — опорный шест из серебра. Атилла Шентюрк отсылает нас к изображению османского шатра с серебряным навершием с полумесяцем и звездой.³³
- №32. Темные пятна на лице луны разбиваются о наконечник копья падишаха. В этом бейте образность по сравнению с прочей касыдой несколько снижена. Пятна на лице луны стоит воспринимать буквально, их возможно увидеть всегда, это не троп. Образ луны здесь используется для гиперболизации образа

³⁰ Alpaslan, 31.

³¹ Şentürk, 66.

³² Denктаş M. Divriği'nin kapi tokmaklari ve kapi halkalari // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Sayı : 19 Yıl : 2005/2. S. 132-139. [Электронный источник] URL: [http://sbedergi.erciyes.edu.tr/sayi_19/6-%20\(113-128\[1\].%20syf.\).pdf](http://sbedergi.erciyes.edu.tr/sayi_19/6-%20(113-128[1].%20syf.).pdf) (дата обращения: 25.05.2016)

³³ Şentürk, 402.

копья падишаха, а следовательно и для восславления самого правителя. Копье его столь велико, что может дотянуться даже до луны на небе.

- №33. Подковы коня падишаха — полумесяцы. Очевидное уподобление по форме.
- №34. Полумесяц уподобляется шлему, который надевает солнце. Уподобление по форме, полумесяц может быть похож на головной убор. В армиях народов Востока действительно существовал такой тип шлема, в чем-то похожий на полный полумесяц.³⁴ Стоит отметить, что бейты №32-35 объединены общей «воинственной» тематикой.
- №39. Полумесяцы славных знамен. Вполне вероятно, что сталкиваемся мы здесь не с прямым изображением полумесяца на полотнище флага, а с навершием в виде полумесяца на древке, подобным тем навершиям, что привычны нам на куполах мечетей.³⁵
- №44. Луна — «звездочка» на эфесе меча падишаха. Атилла Шентюрк отмечает, что «звездочка» — это особый род украшения на рукоятке меча — те гвоздики, которыми накладки крепятся к клинку.³⁶
- №47. Полумесяц — серебряный якорь. Очевидное уподобление по форме.
- №49. Луна — зеркало. Здесь, конечно, имеется в виду луна полная. Уподобление по внешнему виду. Атилла Шентюрк отмечает, что в то время в османской империи технология производства зеркал развита не была, поэтому в их качестве

³⁴ Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб: 2002. С. 66.

³⁵ Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама // Сочинения. Т. VI. М.: 1966. С. 489-491.

³⁶ Şentürk, 76.

использовались начищенные до блеска серебряные или медные пластины, зачастую богато декорированные.³⁷

- №50. Локоны — запад, где зашла луна. Бейт может показаться неясным, но Али Арпаслан³⁸ и Атилла Шентюрк³⁹ помогают понять, что с луной сравниваются здесь не локоны, а лицо любимой. А темнота ночи сравнивается с чернотой её волос, что вообще характерно для классической арабо-персидской поэзии.⁴⁰
- №52. В этом бейте луна встречается дважды. В первом случае, лунолика — традиционный для Востока образ, описывающий красоту любимой. Во втором случае, в луну обращается подушка. Уподобление по форме.
- №67. Луна пролинована нитями света. Явно по цвету луна уподобляется бумаге, писчему материалу.

Казалось бы, что в касыде, носящей название «Солнечная», так или иначе должны противопоставляться образы луны и солнца. Противопоставление такое нам привычно по фольклору практически всех народов. Однако здесь ничего подобного заметить не получается. Основное противопоставление в касыде — противопоставление падишаха солнцу, которое очевидно вытесняет возможное противостояние между солнцем и луной. Луна не выступает активным началом ни в одном из бейтов, она функциональна, но не самостоятельна. Понятно, что при составлении касыды о солнце, невозможно игнорировать прочие небесные светила, из которых наиболее заметным является луна. Но все образы, относящиеся к луне, весьма предметны, луна большей частью представляется как предмет, которым может воспользоваться солнце или же падишах.

³⁷ Şentürk, 77.

³⁸ Alpaslan, 39.

³⁹ Şentürk, 77.

⁴⁰ Османов М.Н.О. Стиль персидско-таджикской поэзии. IX-X вв. М.: 1974. С. 100.

Отдельно стоит отметить, что в то время луна, а именно полумесяц начинает постепенно становиться символом ислама, но полным атрибутом мусульманства пока не становится.⁴¹ Это стоит иметь в виду.

Соблазнительно было бы выстроить своеобразную триаду подчинения: луна подчиняется солнцу, солнце — падишаху. Но для этого необходим хотя бы один пример подавления луны солнцем, а здесь мы его не встречаем. Луна, в отличие от солнца, не персонифицирована, она рассматривается исключительно как предмет, поэтому подобную триаду построить не получается.

Если луна так «слаба», то в одну группу с ней можно добавить образы, относящиеся к прочим ночным светилам. Они присутствуют в следующих бейтах:

- №4. Звезды — серебряные челны. Интересная ситуация: во втором мысра встречается уподобление солнца золотому кораблю, здравый смысл толкает на предположение, что в первом мысра серебряному челну, соответственно, должна уподобляться луна. Однако, как было отмечено выше, антагонизма между луной и солнцем мы не отмечаем. Грамматический анализ так же подтверждает мнение, высказанное в данной работе. В оригинале мы встречаем словоформу «zevraklar», а аффикс *-lar* — это аффикс множественности.
- №12. Застолье Венеры. Венера, как отмечает Атилла Шентюрк⁴², согласно поверьям, бытовавшим во время написания касыды, являлась светилом, покровительствовавшим алкогольным возлияниям и прочим развлечениям достойного человека в то время. Венера же обозначала прохладу и влажность. Покровительствует развлечениям и музыке. Часто изображали

⁴¹ Бартольд, 489-491.

⁴² Şentürk, 66.

играющей на чанге, а это любимый инструмент для застолий (см. «Ченг-наме» Ахмеда Даи). Влияет на: горло и почки, половые органы.⁴³

- №18. Зухаль/Сатурн — индийский сторож на крыше. Образ этот следует пояснить. Согласно Али Алпаслану⁴⁴, Сатурн в космографии того времени считался самой удаленной от солнца планетой, он располагался почти на «крыше» неба. В азиатских странах того времени в качестве людей, стороживших крыши дворцов, традиционно использовались выходцы из Индии. Причины возникновения такой специализации остаются непонятными. Любопытно, что в отличие от луны, прочие планеты вполне олицетворяются.
- №26. Солнце посеяло ночью звезды. Удивительно красивый образ, в котором звезды на ночном небе представляются пороховой дорожкой, которую выложило ночью солнце, чтобы поджечь к утру и тем самым способствовать восходу солнца.
- №27. Звезды закрывают глаза. Весьма понятный образ, связанный с восходом солнца, при котором звезды исчезают. Кстати, как в оригинале, так и в переводе наблюдается занятная двойственность — фактически сами звезды и являются глазами ночи, и когда звезды-глаза закрываются, они исчезают с небосклона. Атилла Шентюрк обращает внимание на то, что это отсылка к одному из эпизодов в «Хосрове и Ширин» Фахри.⁴⁵
- №33. Гвозди подков коня падишаха — звезда на башне победы. Уподобление по форме. Навершия на башнях или куполах, вещь известная в османской архитектуре. Да и В.В. Бартольд пишет, что уподобление полумесяца подкове по форме — вещь весьма

⁴³ And. M. Miniatürlerle Osmanlı-islâm mitologyası. S. 357-358.

⁴⁴ Alpaslan, 33.

⁴⁵ Şentürk, 71.

распространенная.⁴⁶ Здесь мы наблюдаем и некоторую игру слов. *Burç* — в современном турецком и в османском того периода имеет значение не только «башня, бастион», но и «знак зодиака». Османами же астрология очень чтилась. То есть, данное сочетание можно перевести и как «гвозди подков коня падишаха — словно звезды в зодиакальном знаке победы».

- №39. Солнце стыдливо прячется во тьме ночи. Ночь как некоторый локус.
- №48. Венера — певица на пиру у шаха. См. Комментарий к бейту №12.
- №65. Нить звезд Плеяд — серьги-подвесы у Луны. Атилла Шентюрк отмечает, что это традиционный образ для ближневосточных литератур.⁴⁷

Солнце закрывает платком Большую медведицу. В османском языке того периода Большая медведица — *Benâtü'n-na'ş*, что можно буквально перевести как «дочь покойника». Османский язык, как и современный турецкий, не обладает категорией рода, однако здесь можно запросто догадаться, что Большая медведица рассматривалась османами как сущность женского пола. Тогда метафора становится понятной — солнце, восходя на небосклон, набрасывает на Большую медведицу покрывало, как то предписывает шариат, и она исчезает с небосклона. Либо же Большая медведица погружается в траур.

Как видно при разборе прочих небесных светил, они тоже несут большей частью «служебные» функции. Внимание обращает на себя разве что персонификация планет, но это имеет объяснение в традиционной мусульманской космогонии. Так, на Востоке бытовало представление о том, что солнце является султаном, луна его визирем, Меркурий — кятибом, Марс

⁴⁶ Бартольд, 490.

⁴⁷ *Ibid.*, 80.

— сераскером, Юпитер — кадием, Сатурн — казначеем, а Венера — придворным музыкантом.⁴⁸ В «Солнечной касыде» мы видим Венеру именно в такой роли. Роль Сатурна немного отличается, хотя, конечно, хочется провести параллель к семе «хранения, охранения».

⁴⁸ Ibid., 69.

Образы небесного свода

Ещё одним образом, о который следует выделить в составе рассматриваемой касыды является образ неба. После проведенного анализа образ неба удалось распределить по нескольким группам. Первая — небо как локус. К ней относятся следующие бейты:

- №1. Небо — арка, местонахождение правителя-солнца. О параллелизме между небесным сводом и дворцом падишаха будет сказано позже.
- №5. Небо — купол, к которому подвешена цепь. Атилла Шентюрк отсылает нас к легенде из Шах-наме, связанной с иранским правителем Хосровом I Ануширваном. В его дворце был повешен колокол, цепь от которого вела за ворота. И любой подданный его, несправедливо пострадавший, мог прийти к воротам дворца, дернуть за эту цепь и пожаловаться самому шаху на случившееся с ним горе.⁴⁹
- №10. Небо — сад, по которому гуляет солнце-павлин. Атилла Шентюрк отсылает нас к источникам, сообщающим о том, что в парке Топкапы обыкновенно прогуливались на свободе грациозные лани, павлины и прочие приятные глазу животные.⁵⁰
- №12. Небо — кубок голубого цвета, в который льется вино.
- №25. Небо — шатер над воинством Аллаха. Под воинством Аллаха подразумевается воинство падишаха-халифа, тени Аллаха на земле. Но, что важно отметить, османские султаны до Селима I, то есть начала XVI века халифами не были. Рассуждения на эту тему находятся в разделе «Параллели».
- №27. Небо — бассейн из камфоры, в который входит обнаженное солнце.

⁴⁹ Şentürk, 64.

⁵⁰ Ibid., 65.

- №28. Небеса — лоно из которого рождается солнце. Стимулирование матки роженицы рукой акушерки/повитухи — традиционный способ родовспоможения, который используется и поныне.⁵¹
- №34. Небосвод — тиски. Тиски рассматриваются здесь как пыточный инструмент. Все небесные элементы подчиняются приказам падишаха. Красная заря уподобляется пролитой крови врага.
- №41. Небо не напрямую, но называется дворцом. Опять наблюдается параллелизм между дворцом падишаха и небом.
- №64. Небо — зеленый купол. Небо в утренние часы над морем или иной водной гладью действительно обладает зеленоватым оттенком.

Также небосвод воспринимается в касыде как сокровищница. Это можно наблюдать в следующих бейтах:

- №2. Небо — бирюзовый поднос, с которого солнце рассыпает драгоценные камни. Драгоценные камни — метафора переливов солнечных лучей, а сам процесс относит нас к традиции османского двора, когда падишах в дни праздников из окна бросал золотые монеты и драгоценные камни в прохожих.⁵² Во время приемов у трона падишаха стояли две чаши с драгоценными камнями (видно в Топкапы), отполированными в виде овалов, для награждения и подарков.
- №3. Внезапно образ из предыдущего бейта повторяется. Только небо уже не поднос, а хризолитовая чернильница, и драгоценности, они же лучи солнца, не сыплются, а льются.

⁵¹ Савицкий Г.А., Савицкий А.Г. Еще раз о «водителе ритма» и «нисходящей волне сокращения» миометрия в матке рожавшей женщины. // Журнал акушерства и женских болезней. Выпуск № 2. Том LVII. [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-voditele-ritma-i-nishodyaschey-volne-sokrascheniya-miometriya-v-matke-rozhayushey-zhenschiny> (дата обращения: 20.05.2016)

⁵² Şentürk, 62.

- №47. Небо — лодка, наполняемая сокровищами. Тема дарения иссякает и начинается тема накапливания. Под сокровищами очевидно понимаются небесные элементы: звезды, луна, планеты.
- №66. Небо — ларец. Небо снова предстает перед нами в виде хранилища. Интересно, что тема неба как сокровищницы, начинается с образов связанных с темой дарения, продолжается накоплением и завершается сохранением. Впрочем во втором мысра того же бейта, мы видим интенцию начать процесс дарения с начала.

Больше групп образов, связанных с небом обнаружить в касыде не получается, есть отдельные:

- №63. Небо — бирюзовый кубок, куда солнце льет свои лучи.
- №11. Небосвод — бирюзовое водяное колесо. Рассматривается ежедневное «вращение» небесного свода. Интересно также, воспринимается ли здесь бирюза в значении цвета, или же полудрагоценного камня.
- №35. Подол неба становится красным. В комментарии к бейту №34 уже говорилось об уподоблении цвета зари цвету крови.
- №68. Здесь наблюдается отсылка к суре 21, аяту 104, который в переводе М.Н.О. Османова звучит так: «В этот день Мы свернем небо, как сворачивают свитки с письменами; Мы вновь создадим творения согласно Нашему обещанию, подобно тому как сотворили их в первый раз. Воистину, Мы выполняем [обещания]». ⁵³ Что сообщает о цикличности всего сущего. Хороший бейт для конца касыды.

Как не сложно догадаться, небо в большинстве случаев является пространством, которое соотносится с основным действием различными способами. В качестве активного деятеля небо выступает только в последнем бейте.

⁵³ Коран. Пер. С араб. М.Н.О. Османова. [Электронный источник] URL: <http://koran.islamnews.ru/osmanov/21/104.html> (дата обращения: 24.05.2016).

Привлекает внимание и описанный Ахметом-пашой необычный спектр цветов неба. Кроваво-красное небо на закате и восходе (№34, 35), часто встречается бирюзовый цвет (№2, 11, 63), хризолитовое (№3), зелёное (№64), подобное воде, т.е. голубое или прозрачное (№12).

Нигде мы напрямую не встречаем упоминания синего или голубого цветов, в тех местах, где по логике, то есть при описании неба дневного, оно должно было иметь цвет голубой или синий, мы встречаем бирюзовый.

Что интересно, ни разу в тексте касыды мы не встречаем тюркского слова, обозначающего голубой, синий, сине-серый, зелёный цвет — kök.⁵⁴ Вероятно не стоит пытаться найти ответ на вопрос, почему тюркский аналог отсутствует в тексте рассматриваемой касыды, опираясь на статьи об обозначении цветов в тюркских языках. М.Х. Бакиров в своей статье⁵⁵ утверждает, что kök, цвет неба, был символом божества Тенгрэ. Глупо, впрочем, будет утверждать, что отсутствие такого цветообозначения в касыде Ахмета-паши свидетельствует о полной победе ислама над прежними верованиями.

Куда более правдоподобным кажется иной вариант. Гибб в своей «Истории османской поэзии» утверждает, что хотя Ахмет-паша и считался величайшим османским поэтом, по сути его стихи есть переложения Хафиза на турецкий язык и никакой новизны в литературный процесс они не вносили.⁵⁶ Вполне вероятно, что находясь под влиянием классической персидской поэзии Ахмет-паша просто не считал возможным употреблять в изящной словесности некоторые исконно тюркские слова. К сожалению, в рамках этой работы не был подробно разобран лексический состав касыды, однако фарсизмы и арабизмы занимают там едва ли не 75% общего лексического состава.

⁵⁴ Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. // Тюркологический сборник 1975. М.: 1978. С.172 (159-179)

⁵⁵ Бакиров М.Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков. // Филология и культура. Выпуск № 1 (39) / 2015 [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-tsveta-v-kontekste-istorii-iskusstva-i-hudozhestvennoy-slovesnosti-tyurkov> (дата обращения: 23.05.2016)

⁵⁶ Gibb, 40-41.

Солярные образы

Довольно сложно рассуждать об образе солнца в касыде с таким редифом. Стоит отметить и большое мастерство автора — он никогда не использует редиф в качестве обращения или восклицания, практически всегда он выступает полноправным членом предложения.

Рассмотрим образ солнца побейтно и попробуем вычленить некоторые общие группы.

- №1. В первом бейте, сообразно традиционной рифмовке касыды, мы встречаем два упоминания солнца в сочинительной связи. В первом мысра солнце представляется как *правитель*, во втором оно уже метафорически облачается в одежды. Оранжевая накидка подводит к цвету солнца, венец — к его лучам.
- №2. Солнце в роли *правителя/дарителя*. Подробный комментарий к этому бейту можно увидеть в разделе «Небо».
- №3. Солнце в роли *правителя/дарителя*. Бейт семантически идентичен предыдущему.
- №4. Солнце снабжает золотой корабль парусом, чтобы потопить серебряные челны звезд. Если продолжить сводить образ солнца до определенных функций в каждом бейте, то здесь получается что-то более похожее на солнце в функции *созидателя*. Оно преобразует мир ради определенных целей, более всего связанных именно с обычными функциями солнца — сменять день и ночь (как здесь), освещать, согревать и т.п.
- №5. Солнце подвешивает золотую цепь к небу. Комментарий к реалии см. в разделе «Небо». Под золотой цепью — метафора солнечных лучей. Солнце здесь воспринимается как *созидатель*.
- №6. Красота солнца равна красоте Иосифа Прекрасного и Зулейхи (она считалась самой красивой из всех египтянок). Бейт отсылает к библейско-кораническому сюжету об Иосифе

Прекрасном. Солнце – абсолют красоты, т.к. совмещает красоту мужскую и женскую

- №7. Солнце здесь — *даритель*, распространяет свет и блеск.
- №8. Под арками, расписанными золотом, следует понимать небосвод, а красное окошко может подразумевать красноватый оттенок солнца. Здесь следует упомянуть о весьма специфической османской исторической реалии. Во дворце Топкапы зал заседаний дивана был отделен перегородкой с окошком от небольшого помещения, которое было отведено для султана. Перегородка не позволяла участникам заседания определить, находится ли рядом с ними султан или нет, следит ли он за ними. Это не позволяло им работать спустя рукава.⁵⁷ Здесь мы наблюдаем *отождествление падишаха с солнцем*.
- №9. Солнце — *созидатель*. Но здесь созидательность направлена только на него само.
- №10. Солнце — павлин в саду. *Животный образ*. Комментарий к реалии см. в разделе «Небо». В данном бейте нам представляются райский сад небес и райская птица-солнце.
- №11. Солнце-*созидатель*. Его сияние придает блеск вещам, подобный блеску ртути. В оригинале «*sîmâb etti*», то есть амальгамировало, но амальгамирование как процесс извлечения драгоценных металлов из руды посредством ртути появилось уже после написания касыды.⁵⁸ Здесь очевидно речь идет о светоотражающих свойствах ртути, о её блеске.
- №12. Солнце-*созидатель/даритель*. Подобно тому, как виначерпий наполняет бокалы вином, солнце расцветивает небосклон своими лучами.

⁵⁷ Şentürk, 64.

⁵⁸ Амальгамация // Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный источник] URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

- №13. Солнце-созидатель/даритель. Во времена османской империи существовало представление, что свет, исходящий ночью от луны, это свет солнца, который луна вобрала в себя за день. Небо же уподобляется легендарной птице Симургу, и оно так же вбирает в себя солнечный свет.⁵⁹
- №14. Здесь встречается первое упоминание о солнце *подчиненном шаху*. Оно заправляет ему курительницу, следовательно, солнце либо слуга, либо вассал, исполняющий свои обязанности.
- №15-16. Получается, что в каждой пылинке с порога султана скрыто солнце. Такая функция будет обозначаться как *шах>солнца*. Это не есть название солнца подчиненным падишаха, а, скорее, указание на то, что личность падишаха намного масштабнее даже небесного светила.
- №17. Солнце делает венец шаху. *Подчиненный*.
- №18. Солнце-привратник. *Подчиненный*. Шентюрк указывает на то, что солнечные лучи напоминают позолоченные палки в руках у охранников ворот султанского дворца.⁶⁰
- №19. Солнце ищет свет от лика падишаха. *Шах>солнца*. Шах велик настолько, что даже солнце, образец и воплощение «светоносности» не может сравниться с тем сиянием, что исходит от лица повелителя.
- №20. Солнце себе венец создало из пыли из-под копыт султанской конницы, так ценна очевидно эта пыль, либо так ничтожно по отношению к шаху солнце. *Шах>солнца*. С другой стороны, это может быть темой вассальной верности. Пыль поднятая войсками падишаха может рассматриваться как дар сюзерена вассалу, а солнце здесь тогда можно рассматривать как

⁵⁹ Şentürk, 66.

⁶⁰ Ibid., 69.

подчиненного/вассала. Одновременно стоит учитывать, что солнце в туче пыли выглядит как сияющий обруч с зубцами, как корона.

- №21. Солнце смогло стать султаном суши и моря только тогда, когда надело халат, подаренный шахом. До появления орденов халат был главной наградой и знаком отличия. Солнце выступает очевидно в роли *подчиненного/вассала*.
- №22. Наряду с прочими достойными артефактами на балконе падишаха находится и солнце. Можно считать, что солнце выступает здесь в роли *подчиненного*, Но так же допустимо рассматривать солнце как *предмет* в широком смысле слова.
- №23. То ли солнце в бокале, то ли солнце заставляет бокал гулять. Шентюрк в комментарии к этому бейту утверждает, что Ахмет-паша во втором мысра сначала уподобляет красный цвет заходящего солнца цвету вина, затем солнцу уподобляется сам виночерпий, который разливает это вино по бокалам. Дворцовые виночерпии в то время носили, по его словам, специальные шитые золотом головные уборы.⁶¹ Таким образом, если мы следуем идее Шентюрка, солнце здесь выступает в роли *подчиненного*. Однако, текст первого мысра — «На твоём пиру виночерпий, взяв в руки чашу речёт мудрые слова» — вносит некоторые сомнения. Тожественен ли виночерпий из первого мысра солнцу? Впрочем, можно попытаться связать этот бейт с предыдущим, где упоминается присутствие солнца на «балконе увеселений» падишаха. Нельзя исключать того, что два этих бейта могут быть связаны между собой, и тогда солнце как виночерпий фигурирует уже в бейте №22.
- №24-25. В этих двух бейтах солнце предстает *архитектурно-декоративным элементом*. В первом случае солнце — золотой

⁶¹ Ibid., 70.

обруч на куполе могущества падишаха — это роспись на куполе, скорее всего, можно найти любопытное пересечение и с бейтом №64, где художник украшает купол неба золотыми шемсами, т.е. декоративными деталями в виде солнца. Во втором случае солнце, точнее, его лучи представляются в виде канатов неба-шатра.

- №26. Солнце как подрывник/поджигатель, рассыпающий пороховую дорожку для того, чтобы создать тепло, которое несет жизнь. Интересно, что связи с падишахом не заметно никакой, хотя можно и домыслить, что действия солнца производятся во имя процветания падишаха и его государства. Но такая трактовка кажется весьма сомнительной. Поэтому в данном бейте солнце рассматривается как *созидатель*.
- №27-28. Можно объединить тематикой благодеяний падишаха-покровителя по отношению к солнцу. Солнцу удастся нагим войти в бассейн камфоры, только благодаря падишаху, это можно воспринимать как прямое благодеяние по отношению к солнцу как к *подданному/подчиненному*. Так же ежедневное рождение солнца происходит исключительно по милости падишаха.
- №29-30. Эти два бейта можно условно объединить в тему опалы. Солнце боится падишаха и его гнева. Но возникает закономерный вопрос: рассматривать здесь солнце в разряде «шах>солнца» или как *подданного/подчиненного*? Эти категории здесь явно смешиваются.
- №31. Солнце из-за страсти к падишаху стремится увидеть его. Солнце — *влюбленный*. У суфиев даже есть целый ритуал любования красотой, дабы узреть красоту божественную.
- №32. Солнце опять оказывается в пыли, как оказывалось уже в бейте №20. Метафора могущества падишаха, в первом мысра же

говориться, что его копье достает до луны, поэтому мы не можем рассматривать этот образ иначе, чем в категории *шах>солнца*.

- №33. Самый слабый солнечный образ во всей касыде. Передает просто восклицание или уточнение. Пожалуй, с натяжкой можно сказать, что солнце здесь представлено как *архитектурный элемент*.
- №34. Ради защиты своего господина солнце надевает броню и берет в руки оружие. *Подданный*.
- №35. Продолжается воинственная тематика, солнце протирает окровавленный меч. К сожалению, по тексту касыды невозможно понять, чьи же враги пострадали от рук солнца: его самого или падишаха. Как отмечается в разделе, касающемся образа луны, никакого антагонизма между солнцем и прочими небесными светилами мы не наблюдаем, поэтому версия о врагах падишаха кажется вполне адекватной. Тогда солнце здесь мы рассматриваем как *подчиненного/вассала*.
- №36. Наблюдается определенная параллель с бейтом №27, период правления падишаха настолько благостен, что солнцу приходится выполнять все предписания, но при этом не опасаться совершенно за свою честь. *Подданный*. Для понимания этого бейта стоит обратить внимание на то, что слово «солнце» в арабском языке относится к женскому роду.
- №37. Справедливость шаха подобно облаку закрывает (т.е. охраняет/опекает) небеса его государства, солнце там больше не нужно, так велика его благость. *Шах>солнца*.
- №38. Шентюрк уточняет, что в османский период считалось, что драгоценные камни появлялись из-за продолжительного воздействия на обычные камни солнечного света.⁶² Падишах же

⁶² Şentürk, 74.

настолько велик, что способен производить подобные операции сам. *Шах>солнца*.

- №39. Солнце прячется во мрак ночи из-за того, что смущено могущество шаха. *Шах>солнца*.
- №40. Опять восхваление величия шаха. Солнце — прах у его ног. *Шах>солнца*.
- №41. Параллелизм между небесным сводом и дворцом падишаха. Но здесь дворец находится в выигрышном положении по отношению к небесному своду. *Шах>солнца*.
- №42. Солнце, чтобы избежать «опасности» затмения, спрячется в тени падишаха подобно всем его подданным, обретающим в его лице защитника перед лицом опасности. *Подданный*.
- №43. Здесь напрямую говорится о том, что с падишахом солнцу не справиться, каких бы усилий оно не приложило. *Шах>солнца*.
- №44. Падишах настолько велик, что может использовать небесные светила в качестве декоративных элементов на своем мече. *Шах>солнца*.
- №45. Бейт отсылает к известной легенде об Александре Македонском, отправившемся в царство вечной тьмы, чтобы найти там источник вечной жизни. Ахмет-паша утверждает, что если бы Александр обратился за помощью к Мехмету Фатиху, то тот своим повелением отрядил бы ему в помощники солнце, которое осветило бы путь в царстве вечной тьмы. Солнце как *подчиненный/подданный*.
- №46. Имам во время пятничной молитвы, хутбы, славит действующего правителя. Издавна существовало представление о том, что назвать значит материализовать. Следовательно, при произнесении имени падишаха он появляется на минбаре, сияет как солнце и вся мечеть заливается его светом. То есть, падишах

настолько велик, что распространяет вокруг себя сияние подобное сиянию солнца. *Шах>солнца*.

- №47. Как и в бейтах №2-3 мы видим солнце-дарителя. Однако здесь солнце драгоценности для своих щедрот берет из моря-сокровищницы правителя, поэтому не можем исключать его проявления здесь как *подданного/вассала*.
- №48. Солнце призывается на пир султана как поэт. *Подчиненный*.
- №49-58. Эти бейты привлекают к себе особое внимание. Али Алпаслан⁶³ и Атилла Шентюрк⁶⁴ сходятся на том, что эти бейты являются вставной газелью (тегаззюль). Впрочем, мнение своё практически не аргументируют, отсылая в основном к тому, что бейт №49 является бейтом-матла, начальным бейтом, в котором редиф встречается как во втором, так и в первом мысра. Шентюрк добавляет, что газель исполняется от лица Венеры, которая в качестве певицы упомянута в предыдущем бейте. Однако кажется очевидным, что солярные образы в касыде и вставной газели весьма отличаются друг от друга. Если в основной части касыды образ солнца так или иначе взаимодействует в каждом бейте с образом падишаха, то в тегаззюле нечто подобное наблюдается только в бейтах №53 и №56, где солнце является основным действующим лицом. Да и то, никакого антагонизма, уподобления либо иного взаимодействия с образом падишаха характерного для основной части касыды здесь не найти. Солнце в тегаззюле большей частью пассивно в своей образности. Не вполне очевидным видится и утверждение двух турецких исследователей, что тегаззюль заканчивается на 58 бейте. Традиционно концом газели считается бейт, в который включен тахаллус — поэтическое имя

⁶³ Alpaslan, 39.

⁶⁴ Şentürk, 77.

автора. Первый тахаллус находится в бейте №57 — Атаи. Атаи, настоящее имя — Ивазпашазаде Ахи Челеби, был поэтом второго ряда, известным благодаря своим газелям в первой половине XV века.⁶⁵ О нём известно мало, но внимание, относительно настоящей работы, привлекает тот факт, что умер он в 1438 году в Бурсе и мог так или иначе соотноситься с молодым Ахметом-пашой, отец которого покровительствовал поэтам. Вся «Солнечная» касыда же является назире на одну из касыд Атаи. Бейт №57 можно рассматривать как своеобразный реверанс в его сторону, и было бы логично и красиво закончить тегаззюль на этом бейте. Тахаллус самого Ахмета-паши обнаруживается, в свою очередь, в бейте №62. И сравнивая образную систему бейтов №59-62 с образной системой бейтов вставной газели, не возможно не найти много общего. Лирический герой бейтов №49-62, как и полагается лирическому герою газели, стремится слиться с объектом своего восхищения, но никак не может этого добиться. Можно предположить, что бейты №59-62 являются своеобразным ответом Ахмета-паши на вставную газель, но с другой стороны очень заманчивой кажется версия о целой вставной газели в бейтах №49-62. Однако зачем вставлять столь длинную газель в небольшую касыду размером всего в 68 бейтов? И если это целиком вставная газель, то придется отказаться от предположения Атиллы Шентюрка о том, что газель исполняется от лица Венеры. Либо же под Венерой поэт подразумевает себя. Это сходство функций — развлекать падишаха.

Впрочем, стоит отметить, что если в бейтах №49-58 поэт обращается к образу прекрасной возлюбленной/возлюбленного, то в бейтах №58-62 идет обращение напрямую к падишаху. Бейт

⁶⁵ Özkırımlı A. Türk Edebiyatı Tarihi (ansiklopedik). C 1. – İstanbul: 2004. S. 146

№58, с этой точки зрения, достаточно нейтрален, он может быть обращен как к абстрактной возлюбленной, так и к падишаху. Не стоит забывать и о том, что абстрактной возлюбленной и является сам падишах.

Следует дополнить комментарий к бейту №57 и пояснить, что это отсылка к одному из бейтов уже упомянутой выше касыды Атаи, в котором тот апеллирует к древнему верованию, что жемчуг появляется из солнечных лучей, попавших в створку раковины.

Рассматривать каждый солярный образ в бейтах №49-62 не стоит, они достаточно «слабы» и отличны от солярных образов в остальной касыде.

- №63. Солнце представляется как *даритель*, лучи его наполняют небо. Интересно, что этот бейт включен в своеобразный комплекс, включающий все последующие строки вплоть до самого конца. В традиционном османском стихосложении бейт является целостной смысловой единицей, мысль в нем должна быть завершена и не связана ничем кроме общей тематики с бейтами предыдущими и последующими. Здесь же наблюдается одна и та же мысль, развиваемая на протяжении 6 бейтов.
- №64. Солнце — *созидатель*. Солнце великий художник, который украшает небосклон шемсами — узорами в виде солнца.
- №65. Солнце — *созидатель*. Имеется в виду достаточно обыденное природное явление — при восходе солнца звезды исчезают. Подробный комментарий к этому бейту в разделе «Небесные светила».
- №66. Солнце — *даритель*. Во многом пересекается с аналогичными образами в бейтах №2 и №3. Любопытно, что с этого бейта начинается своеобразный ответ на условия бейтов №63-65.

- №67. Солнце – *созидатель*. Очевидно, действие это – изображение следов коня падишаха на луне – есть часть восхваления его достоинств. Солнце, желая увековечить славу падишаха, изображает следы его коня на луне, где они останутся непотревоженными и будут видны всему миру. Луна, вдобавок, в касыде не персонифицирована, что дает возможность подобного её использования. Возможно так же рассматривать здесь солнце как *подчиненного*.
- №68. Солнце – *подчиненный*. Солнце служит падишаху, хотя могущественно и само, ради своего господина оно способно расправиться с его врагами, свернув тетради их жизни. Очевидно, что нечто подобное оно способно сделать и с тетрадью жизни самого падишаха. А тот факт, что солнце этого не делает, свидетельствует о величии падишаха. Это интересное и резкое уничтожение солнца вполне подходит для того, чтобы располагаться в последнем бейте касыды.

Рассматривая бейт за бейтом касыду и прослеживая в каждом роль солнца, можно прийти к выводу, что между образами солнца и образами падишаха наблюдается четкая связь, и это — связь зависимости. Сразу стоит оговориться, что в касыде присутствует вроде бы вполне независимый образ солнца как *созидателя*, образ вплотную связанный с природными функциями солнца, с тем, как оно вписано в привычный круговорот вещей. Восходы, закаты, тепло, которое солнце отдает земле, и которое позволяет существовать жизни. Однако очевидным кажется и следующее: вся эта «работа» происходит во славу падишаха, султана Мехмета II Фатиха. Образ солнца-*созидателя* практически идентичен образу солнца-дарителя, вместе они же зачастую уподобляют солнце падишаху, и стоит отметить отдельно, именно солнца падишаху, а не падишаха солнцу.

Несмотря на это уподобление, падишах и солнце являются явно разными величинами и первенство за шахом, это вполне подтверждают

образы солнца как *слуги/вассала/подчиненного* и тот образ, который назван в данной работе *шах>солнца*. Максимально это понятие раскрывается в последнем бейте: солнце называется фактически всемогущим, оно способно управлять судьбами любого человека, поскольку свиток жизни находится у него в руках, однако падишах неведомым образом больше, он подчиняет себе солнце, которое, кажется, легко способно с ним разобраться.

Редко встречаются образы, которые мы не включаются в определенные подгруппы — *солнце-животное* и *солнце-влюбленный*. Оба они, впрочем, так же очевидно говорят нам о зависимости солнца от падишаха. Солнце на небе как павлин в саду у падишаха, солнце одержимо падишахом и влюблено в него и способно исполнить любые прихоти своего возлюбленного.

Интересен так же некоторый «гермафродитизм» солнца, с большим уклоном именно в женское. Об этом, тем не менее, сложно говорить — в османском языке категория рода отсутствует, однако автор отсылает нас к категории рода в арабском языке, где солнце однозначно женское. Отсюда и представление солнца как женщины в бейтах №27, 28, 36. Одновременно, говоря о различных военных действиях, сложно представлять солнце как женщину.

Конечно, обращает внимание на себя и определенный параллелизм между небом и землей, небесным сводом и дворцом падишаха, однако это будет рассмотрено в следующем разделе.

Параллели

В тексте касыды мы можем наблюдать некоторый параллелизм между образом солнца на небесном своде и падишаха во дворце. Он красной нитью проходит через весь текст касыды, но напрямую проявляется в следующих бейтах:

- №1. Солнце занимает место на небесном своде подобно падишаху, который занимает трон в своем земном дворце. Облачается в одежды, надевает венец. Не вполне понятно, почему «*tac*» традиционно переводится как «корона, венец», ведь падишахи короны не носили, но к головному убору прикалывали аграф с плюмажем, что привел к появлению европейского «султан», как украшения.
- №2. В части, касающейся образа неба, было уже отмечено, что ситуация, описанная в этом бейте, является аллюзией на историческую реалию; падишах с подноса раскидывал своим подданным мелкие драгоценные камни или золотые монеты.
- №3. Семантически аналогичен предыдущему бейту.
- №8. Суть явления уже была отмечена в предыдущих разделах. Здесь, однако, более параллелизма происходит слияние образа солнца и образа падишаха. Диван есть диван, обычный и земной, нет дивана небесного. И для наблюдения за ним солнце-падишах создает небольшое окошко. Одновременно расписанные золотом арки и окно рубинового стекла могут восприниматься как небесный свод, расцвеченный солнечными лучами с красным кружком солнца на нем.
- №10. Павлины, гуляющие по дворцовому саду, также упоминались выше. Одновременно в качестве павлина может

восприниматься и сам падишах, выходящий утром в свой сад и распространяющий радость и счастье, подобно тому, как солнце появляется на небесном своде и дарит свет и жизнь всему миру.

- №41. Это последний бейт, в котором ярко проявляется указанный параллелизм между бытом небесным и бытом земным. Здесь уже становится ясно, что небесный быт полностью подавляем бытом земным. Дворец неразрывно связанный с личностью падишаха намного прекрасней реального неба, следовательно — намного значимей.

Арон Яковлевич Гуревич, рассуждая в своей монографии «Категории средневековой культуры» о взаимоотношениях между человеком и высшими сущностями, отмечает, что для средневекового человека все явления видимого мира, по сути своей, являются отражением мира божественного.⁶⁶ То есть, всё предметы зримого мира есть не более чем проекции. Если Бог создал человека по образу и подобию своему, следовательно и мир дольний есть копия мира горнего.

В рассматриваемой касыде всё перевернуто совершенно наоборот — не земная твердь подобна тверди небесной, а на небесах повторяются все явления мира земного. И не просто повторяются, а уподобляются, отражаются во всем великолепии, но «с уничижением». В конечном итоге, даже ход светил подчиняется нуждам падишаха, служит ему.

Однако речь здесь всё-таки идет не о земном и божественном, в тексте касыды почти не упоминается имя Аллаха. Оно присутствует только в бейтах №15 и №25, в составе устойчивых выражений. Интересно, что в бейте №15 Мехмет Фатих называется тенью Аллаха на земле — эпитет, обыкновенно использующийся при упоминании имени халифа. Но османские султаны приобрели этот титул только в начале XVI века.

⁶⁶ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. Спб.: 2007. С. 52-87.

Вполне вероятно, что употребление этого эпитета есть просто следствие из канона панегирического жанра. Ахмет-паша так стремится выказать свою любовь к падишаху, что дает ему титулы, отсутствующие в официальной султанской титулатуре того времени, тем самым надеясь заслужить его одобрение.

С другой стороны, интересной кажется и та версия, что именно титул тени Аллаха на земле, то есть наместника, или даже отражения Аллаха дает падишаху подобную власть над небесным сводом, это не его власть — это власть Аллаха, которая только воплощается в нем, доверена ему. И, на самом деле, на вершине, тем владельцем всего сущего, является именно Аллах, что придает настоящей касыде дополнительные религиозные коннотации.

Однако у этих предположений, базирующихся на идеях из монографии А.Я. Гуревича, есть определенные недостатки. Универсалии А.Я. Гуревича базируются, в первую очередь, на средневековье европейском, христианско-языческом, которое по ряду параметров должно отличаться от средневековья исламского. И протекать оно будет в разное время, с разными циклами и периодами.

Заключение

Рассмотренная в данной работе касыда по сути своей является классическим образцом панегирического жанра — мадха, мамдухом — восхваляемым — в которой является султан Мехмет II Фатих. И Ахмет-паша оказывается действительно большим мастером классического периода османской поэзии.

В рамках исследования был составлен первый полный перевод «Солнечной» касыды на русский язык. Производился он с опорой на оригинальный текст и на турецкие переводы, выполненные Атиллой Шентюрком и Али Алпасланом. Как не сходятся они между собой в переводе некоторых бейтов, так и представленный в этой работе перевод не стоит считать простым переписыванием интерпретаций турецких ученых. Для лучшего понимания касыды русским читателем к некоторым бейтам был представлен комментарий.

Было прослежено, как поэт работает с космологическими образами, в каких связях они находятся друг с другом и с личностью падишаха.

Чтобы наиболее выпукло выразить величие особы падишаха поэт связывает его с ярчайшим предметом объективной реальности — солнцем. Но, как уже отмечалось выше, это скорее связь «зависимости», в которой падишах оказывается повелителем не только земной тверди, но и небесного свода. Здесь стоит отметить частое использование приема «ат-та'лил ат-тахийли» («воображаемое обоснование», «обоснование воображаемым»). Такой прием, при котором причиной естественно-обусловленного процесса является нечто реально невероятное.⁶⁷ Здесь, например, вся смена дня и ночи происходит исключительно, чтобы выразить свое восхищение, чтобы нести службу падишаху.

Невозможно согласиться и с позицией турецких ученых по поводу вставной газели. Их точка зрения не мотивирована совершенно, и в тексте

⁶⁷ Демидчик В.П. Мир чудес в арабской литературе XIII-XIV вв. М.: 2004. С. 32-33.

этой работы приведены некоторые соображения касательно реального конца газели.

Но и это исследование не способно дать ответы на все вопросы, которые возникают при внимательном изучении «Солнечной» касыды. Чем дольше она изучается, тем больше нового и странного открывается в ней.

Приложение

«Солнечная» касыда. Оригинал.

1. Taht urup tâk-1 felekde husrev-i hâver güneş
Giydi nârenci kabâ urundu nûr efser güneş
2. Mesned-i sultân-1 subh oldu serîr-i âsumân
Saçdı pirûze tabaklardan zer ü gevher güneş
3. Kufl açıp dürc-i zebercedden cevâhir döktü kim
Hâk gencin eyleye gencîne-i cevher güneş
4. Kulzüm-i Hindin batırmağa gümüş zevrakların
Bâd-bân-1 nûr ile donattı fülk-i zer güneş
5. Gûyiyâ Nuşîn-Revân-1 subhdur kim adı için
Lâciverdî kubbeye zencir-i zer asar güneş
6. Ya felek Mısrında sultân oldu bir Yûsuf-cemâl
Ya Züleyhâdır tutar nârenc-i zer-peyker güneş
7. Yâ cemâline cihânın nûr u fer vermek için
Rûz ruhsârından açtı anberin mi'cer güneş
8. Hak budur kim Şâh divânın temâşâ kılmağa
Düzdü tâk-1 zer-nigâra lâ'lden manzar güneş
9. Kendinin hüsn ü cemâlin fikr ederken germ olup
Cân diliyle eyledi bu matla'ı ezber güneş
10. Subh-dem cevlân edip tâvûs-i zerrîn-per güneş

Bûstânına sipihrin verdi zib ü fer güneş

11. Kûze-i yakut ile pîrûze-gûn dólâbdan
Çarh-ı mînâ-rengi sîmâb etti ser-tâ-ser güneş
12. Bezm-i ayşın Zöhrenin germ etmege sâkî sıfat
Âb-gûn akdâh içinde gezdire âzer güneş
13. Geh hamâm-i mâh-i tâbâna takar sîmîn cenâh
Geh düzer Sîmurg-ı çarha âteşîn şeh-per güneş
14. Ayda bir kez kâsesin anberle mâhın doldurur
Tâ ki Şeh bezminde bir dem gezdire micmer güneş
15. Zıll-ı Hak Sultân Muhammed Hân ki olmuşdur anun
Eşigi toprağının her zerresi enver güneş
16. Nitekim her dânenin zımnında muzmerdir şecer
Zerre-i hâk-i derinde şöyledir muzmer güneş
17. Pâdişâh-ı heft iklîm-i sa'âdetdir k'anun
Hâk-i pâyi cevherin edindi tâc-ı zer güneş
18. Bir şehenşâh-i kader-kadr ü kaza-râdır k'olur
Bâmına hindû Zuhâl der-gâhına çâker güneş
19. Nûr-ı çeşm-i âlem ü çeşm ü çerâg-ı kâ'inat
Sensin ey Şeh kim yüzün nûrundan umar fer güneş

20. Sensin ol kim âsumân iklimine sultan iken
Gerd-i haylinden urunur anberîn efser güneş
21. Sensin ol kim hıl'at-i fermân-ı hükmün giymeden
Olmadı zer tîg ile sultân-ı bahr ü ber güneş
22. Sensin ol kim şeh-nişîn-i bezm-gâhında müdâm
Yâ Süleymân tahtıdır yâ câm-ı İskender güneş
23. Sâki-i bezmin ele câm aldığınca der hıred
Ya güneş sagardadır yâ gezdirir sağar güneş
24. Ey ki bâb-ı rifatinde halka-i sîmîn hilâl
Vey ki devr-i kubbe-i izzinde zer çenber güneş
25. Kadrin ordusunda gök bir sâye-bândır kim ana
Ser-imâd-ı sîmdir mâh ü tınâb-ı zer güneş
26. Ey ki mihrinden zemin ü âsuman germ olmaga
Şeb sipend olmuştur encüm fülful ü âzer güneş
27. Ahd-i adlinde yumarlar cümle ıldızlar gözün
Girdiğince çeşme-i kâfura bî-mizer güneş
28. Vermese İütfun eli rahm-i felekde perveriş
Mâder-i eyyâmdan dogmazdı tâ mahşer güneş
29. Nâ-gehân erse sipihre nâr-ı kahrın zerresi
Âsumân dûd-ı siyâh olurdu hâkister güneş

30. Şöyle korkutmuş yüreğin hançerin tûz-âbı kim
Kanda bir su görse berg-i bîd-veş titrer güneş
31. Mihrinin bâzârına bir vech ile germ oldu kim
Kapıdan yüz kez kovarsan bacadan düşer güneş
32. Geh ser-i nîzenle bozular sevâd-ı rûy-i mâh
Geh gubâr-ı sümm-i esbinden olur ağber güneş
33. Gûyiyâ na'l-i semendindir hilâl-i ıyd-i feth
Mih-i ahterdir zafer burcunda ne ahter güneş
34. Ömr-i hasmına şebîhin etmek için her gece
Gök' giyer Şâmî zırh mehden düzer migfer güneş
35. Düşmanın kanın döküp tiğ-i zer-endûdun siler
K'atlas-ı gerdûnun eyler dâmenin ahmer güneş
36. İsmetin devrânıdır isminde te'nîs olmağın
Seyre çıkdıkca bürünür nûrdan çâder güneş
37. Kangı iklîme ki pertev salsa adlin sâyesi
Ol diyar içre görünür zerreden kem-ter güneş
38. Cevher eyler çün kara toprağı lûtfun tâbişi
Gam degil etmezse ayruk sengden gevher güneş
39. Mâh-ı râyât-ı celâlınden hacildir âsumân
Sâye-i şebde hayâdan gizlenir ekser güneş

40. Husrev-i rûy-i zemîn dersem ne fahr olsun sana
K'âsumân-ı kasr-ı kadrinde oldu hâk-i der güneş
41. Kanda benzer kasrına bir âfitâbıyla felek
K'anda her bir cam oluptur bir ziyâ-güster güneş
42. Hergîz olmayaydı jenginden kûsûfun rû-siyâh
Ger sığinsa sâyene âyine-i hâver güneş
43. Âfitâb-ı râyına olmaz mukâbil nice kim
Arz ede tabl u alemle nûrdan leşker güneş
44. Tîg-i âteş- bâr-ı rûşen-rûy-i dîn-ârâyınım
Kabzasına mâh ahter yüzüne zîver güneş
45. Ger Skender istese envâr-ı râyından meded
Râh-ı zulmette olurdu haylına reh-ber güneş
46. Şehriyârâ adını minberde yâd etse hatib
Nûr ile mescid dolar filhal olur minber güneş
47. Bahr-ı cûdundan felek fûlkün cevâhir doldurup
Düzedir şekl-i hilâlîden gümüş lenger güneş
48. Şâh bezminde amel olmağa bu kavlı-i garîb
Ediniptir Zöhre-i zehrâyi hınyâ-ger güneş
49. Ey arûs-ı hüsnüne âyine meh zîver güneş
Görünür aks-i cemâlinden cihân yek-ser güneş

50. San ki magribdir saçın k'anda gurûb eyler kamer
San ki matla'dır yakan k'andan tulu eyler güneş
51. Tûtî-i ser-sebzdir k'âyinede per gösterir
Hatt-ı ruhsârın kim olmuştur ana der-ber güneş
52. Bir gece düşümde sen mâhı der-âgûş eyledim
Gördüm olmuş nûrdan bâlîn kamer bister güneş
53. Kim ki nezzâre kıla hurşîde haddin var iken
Nâzırın çeşmine hışmından sokar hançer güneş
54. Öykünelden yüzüne hergîz bakılmaz yüzüne
Bî- hayâdır k'oldu bu vech ile müstahkar güneş
55. Okudum hattın lebinde kim gubâr-ı müşğ ile
Çeşme-i cân üzre yazmış Sûre-i Kevser güneş
56. Raks urur hengâme-i aşkında bir cân-bâzdır
Kim olur zerrîn resenle asılıp çenber güneş
57. Bahr-ı gamda görmedi mihrinden akan göz yaşın
Pes neden dermiş Atâyî k'oldu dür-perver güneş
58. Göricek yüzünde zülfü'n rismânın sanırım
Nûr ile yazmaga Şeh medhin çeker mıstar güneş
59. Husrevâ medh-i zamîrin fikr ederdim dün gece
Tâlî oldu maşrık-i endîşeden enver güneş

60. Ebr-i gam var yoksa medhinde redif etmek degil
Pertev-i zihnimden olurdu yedi kişver güneş
61. Nûr-ı mihrinden suvarıp şâhını eş'ârımın
Gülşenimde ahter olurdu şükûfe ber güneş
62. Bir nazar kıl Ahmed'e ey nûr-i çeşm-i kâ'inat
K'âb-ı İûtfundan oluptur ebr gibi ter güneş
63. Tâ zümürüd sebze-zârında sipihrin her seher
Sâgar-ı pirûzeyeye döker mey-i aşfar güneş
64. Tâ yaza nûrın kalemlle çin seher nakkâş-ı sun'
Şemse-i zerrîn-i tak-ı günbed-i ahzar güneş
65. Tâ Süreyyâ ıkdin eyler gûş-var-ı gûş-ı mâh
Tâ Benât-ün-na'sha örter nûrdan çâder güneş
66. Çarh dürcünde konulan her murâdın gevherin
Her gün etsin harc edip kapında hâk-i der güneş
67. Yazsın âsâr-ı süm-i esbin gubârî hatt ile
Mâha tâ hayt-ı şu'a ile çeker mıstar güneş
68. Ömr-i hasmın defterin tûmâr-veş dürsün felek
Nice k'ezâsından eyyâmın düzer defter güneş

Перевод.

1. Солнце, правитель востока, заняло место в арке небесного свода.
Солнце надело свою оранжевую накидку, надело венец из света.
2. Трон небосвода стал местом, где [восседает] султан утра.
Солнце с небесно-голубого подноса рассыпает золото и драгоценные камни
3. Солнце открыло замок, драгоценности льются из хризолитовой шкатулки, чтобы
Превратить всю Землю в сокровищницу
4. Солнце, чтобы утопить серебряные ладьи [звезд] в Индийском океане,
Снабдило золотой корабль парусами света.
5. Солнце, словно Ануширван утра, ради справедливости
Повесило к лазоревому куполу неба золотую цепь.
6. Или Иосиф Прекрасный правителем стал в достославном Египте.
Или Зулейха, державшая, держащая золотой солнечный померанец.
7. Чтобы раскрасить красоту вселенной светом и блеском,
Солнце сняло со своего лица платок цвета амбры.
8. Правда такова, что для наблюдения за заседаниями дивана,
Солнце создало под арками, расписанными золотом, окно рубинового стекла.
9. Размышляя о своей красоте и совершенстве, пришло в возбуждение и восторг,
Продекламировало солнце первый бейт [этой касыды] языком души.
10. Солнце прогулялось утром златокрылым павлином.
Тем самым придало небесному саду красоту и прелесть.
11. Солнце при помощи рубинового горшка и бирюзового водяного колеса
Придало блеск всей небесной сфере.
12. Солнце, чтобы взбодрить застолье Венеры, как виночерпий
Обдало огнём внутренность голубого бокала.

13. Голубю месяца прилаживает серебряное крыло,
Симургу небес — огненное.
14. Раз в месяц солнце наполняет чашу месяца амброй,
Чтобы заправить курительницу на пирушке у шаха.
15. Каждая крупица земли с порога Султана Мехмед Хана, тени Аллаха на
земле,
Сияет как солнце
16. И как в каждом семени скрыто дерево,
Так и в каждой пылинке его порога — солнце.
17. Он повелитель семи иклимов счастья, так что
Солнце сделало себе венец из драгоценностей праха его ног.
18. Он повелитель силы предопределения и неотвратимости судьбы.
На его дворе индийским сторожем сидит Зухаль, а солнце —
привратник.
19. Ты такой шах, который стал сиянием глаз мира, оком и светом
Вселенной,
Так что, солнце ищет свет, исходящий от сияния твоего лика.
20. Ты таков, что солнце, хотя и стало султаном стран небосклона,
Но из пыли поднятой твоей конницей, солнце надело себе амбровый
венец.
21. Ты таков, что солнце пока не надело халат твоих повелений,
Не стало султаном суши и моря с золотой саблей.
22. Ты таков, что на балконе твоих увеселений всегда
Либо солнце, либо трон Соломона, либо зеркало Искандера.
23. На твоём пиру виночерпий, взяв в руки чашу, речет мудрые слова.
То ли солнце в бокале, то ли солнце заставляет бокал гулять.
24. Эй, месяц — серебряное кольцо на воротах твоего величия.
Ах, солнце — золотой обруч на куполе твоего могущества.
25. Над воинством Аллаха небо — шатер, такой что
луна — это опорный шест из серебра, солнце — золотые канаты.

26. Хэй, чтобы воспламенить жаром небо и землю,
Посеяло ночью звезды жгучее, горячее солнце.
27. В эпоху твоей справедливости все звезды закрывают глаза,
когда солнце нагим входит в бассейн камфоры.
28. И если бы длань твоих благодеяний не простерлась бы над лоном
небес,
То не рождалось бы солнце со дней творения до страшного суда.
29. А если вдруг небес достигала хотя бы частичка огня твоего гнева,
То небо стало бы черным дымом, а солнце пеплом.
30. Азотная кислота твоего кинжала так напугала сердце солнца,
Что то, даже при виде воды, дрожит как ивовый лист.
31. Солнце так разгорячилось к торжищу твоей любви,
что если ты его сто раз прогонишь от дверей, полезет в дымоход.
32. Иногда темные пятна на лице луны разбиваются о наконечник твоего
копья;
А иногда солнце скрывается в облаке пыли из-под копыт твоего коня.
33. Подковы твоего коня словно полумесяц праздника победы,
А гвозди [его подков] как звезды на башне победы, о солнце.
34. Чтобы превратить небосвод в тиски тьмы жизни твоего врага,
Солнце каждую ночь надевает латы дамасской стали и шлем луны.
35. Солнце, проливая кровь врагов, протирая свой меч,
Делает атласный подол неба красным.
36. Твое время — эпоха чистоты и непорочности, солнце, будучи женского
пола,
Всякий раз выходя погулять, закутывается в покров света.
37. И каких бы краев не достиг бы блеск покровительства твоей
справедливости,
В тех странах даже солнце кажется меньше, чем песчинка.
38. Если и солнце не [может] сделать из простого камня драгоценный, нет
в этом беды!

- Поскольку сияние твоего благородства и безжизненную землю превращает в сокровище.
39. Из-за того, что небесный свод смущен [при виде] полумесяцев твоих славных знамен,
И солнце стыдливо прячется во тьме ночи.
40. Если я назову тебя повелителем земной тверди, для тебя это не будет похвалой.
Ибо солнце под сводом дворца твоего величия стало прахом у дверей.
41. Когда каждый бокал в твоём дворце стал солнцем, излучающим свет,
То небо с солнцем стали напоминать твой дворец.
42. Солнце — зеркало востока, если укроется в твоей тени,
Его лик никогда не станет по-настоящему черным от ржавчины затмения.
43. Сколько бы воинов света со знаменами и боевыми барабанами ни вывело бы солнце,
Не тягаться ему с тобою, о повелитель-солнце.
44. Луна лишь «звездочка» на эфесе твоего огненного меча, украшения веры,
А солнце лишь узор на лезвии его клинка.
45. Если бы Искендер прибег бы к помощи света твоих мыслей и идей, то
Солнце бы на дороге мрака стало бы проводником его воинам.
46. О, повелитель, когда имам с минбара упоминает твое имя,
Тотчас молельня заполняется светом, а минбар становится солнцем.
47. Солнце наполняет лодку небес драгоценностями от моря твоей щедрости,
А серебряный якорь делает в форме полумесяца.
48. Да чтобы солнце читало эти изящные стихи на пиру у шаха,
А светлоликую Венеру призвали туда певицей.
49. Солнце — украшение, а луна — зеркало для невесты красоты.

Мир от отражения красоты твоего лика выглядит [сияющим как]
солнце.

50. Твои локоны словно запад, где зашла луна,

Словно восток, где рождается знойное солнце.

51. Пушок на твоём лице, как зеленоглавый попугай, показывающий в
зеркале

Свои крылья, а зеркало для него — солнце.

52. Однажды ночью во сне я обнимал похожую на тебя луну.

Видел: подушка стала от сияния стала луной, а кровать — солнцем.

53. Когда кто-либо подглядывает за ликом солнца,

То ему в гневе солнце вонзает в глаз кинжал.

54. С тех пор как солнце уподобилось твоему лику, на него никто и не
смотрит.

Оно утратило стыд, поэтому им и пренебрегают.

55. Я прочел на твоих губах строки, которые как сура Каусар,

Были написаны мускусной пылью солнца на источнике души.

56. Солнце — акробат, что вьется кольцом, обвязанный золотой веревкой,

Среди суматошной толпы своих поклонников.

57. Атаи не увидел, как текут в море скорби слезы из-за любви к тебе.

Зачем же тогда сказал, что солнце создает жемчуг.

58. Я думаю, что увижу пряди локонов на твоём лице.

А солнце достаёт шаблон, чтобы светом вывести строки с
восхвалением шаха.

59. Когда прошлой ночью я размышлял над сутью славы падишаха,

Из места рождения мыслей возшло сияющее солнце.

60. Если бы туча скорби не заволочла мой разум, во славу тебе не было бы
нужды употреблять редиф «солнце».

И все семь иклимов стали освещены сиянием знаний моего ума.

61. Если саженцы моих стихов польешь светом луны, о падишах,

То каждый цветок в моем саду станет звездой, а всякий плод – солнцем.

62. О свет очей вселенной, взгляни на Ахмета,
Ибо от твоей любезности и солнце как туча истекает влагой.
63. И пока солнце каждое утро льет желтое вино в небесно-голубой кубок
В зелени неба цвета изумруда.
64. Пока великий китайский художник-солнце в утренний час при помощи
кубка из света
Украшает свод зеленого купола золотыми шемсами.
65. Пока тонкая нить звезд Плеяд делается серьгами-подвесами луны,
А солнце ставит палатку из света над хвостом золотой медведицы.
66. Все мыслимые драгоценности, что лежат в ларце небесной сферы,
Пусть разбрасывает и тратит Солнце каждый день, обращая в прах у
твоих ног.
67. Пусть Солнце напишет почерком губари следы копыт твоего коня
На луне, пролиновав её нитями света.
68. И если солнце сшивает в тетради джузы дней,
То пусть небеса эти тетради жизнью твоих врагов свернет в свиток.

Список использованной литературы

1. Амальгамация // Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный источник] URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>
2. Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб: 2002.
3. Бакиров М.Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков. // Филология и культура. Выпуск № 1 (39) / 2015 [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-tsveta-v-kontekste-istorii-iskusstva-i-hudozhestvennoy-slovesnosti-tyurkov> (дата обращения: 23.05.2016)
4. Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама // Сочинения. Т. VI. М.: 1966.
5. Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л.: 1983.
6. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: 2007.
7. Демидчик В.П. Мир чудес в арабской литературе XIII-XIV вв. М.: 2004.
8. Из старой турецкой поэзии. М.: 1978.
9. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. // Тюркологический сборник 1975. М.: 1978.
10. Коран. Пер. с араб. М.Н.О. Османова. [Электронный источник] URL: <http://koran.islamnews.ru/osmanov/21/104.html> (дата обращения: 24.05.2016).
11. Крымский А.Е. История Турции и её литературы от расцвета до начала упадка. Т.2. М.: 1910.
12. Османов М.Н.О. Стиль персидско-таджикской поэзии. IX-X вв. М.: 1974.

13. Савицкий Г.А., Савицкий А.Г. Еще раз о «водителе ритма» и «нисходящей волне сокращения» миометрия в матке рожаящей женщины. // Журнал акушерства и женских болезней. Выпуск № 2. Том LVII. [Электронный источник] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-voditele-ritma-i-nishodyaschey-volne-sokrascheniya-miometriya-v-matke-rozhayushey-zhenschiny> (дата обращения: 20.05.2016)
14. Alpaslan A. Ahmet Paşa. Ankara: 1987.
15. And. M. Miniatürlerle Osmanlı-islâm mitologyası. İstanbul: 2010.
16. Denктаş M. Divriği'nin kapi tokmaklari ve kapi halkalari // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Sayı : 19 Yıl : 2005/2. S. 132-139. [Электронный источник] URL: [http://sbedergi.erciyes.edu.tr/sayi_19/6-%20\(113-128\[1\].%20syf.\).pdf](http://sbedergi.erciyes.edu.tr/sayi_19/6-%20(113-128[1].%20syf.).pdf) (дата обращения: 25.06.2016)
17. Gibb E.J.W. A history of ottoman poetry. V.2. London: 1902.
18. Günay K. Ahmet Paşa Bursalı // İslâm Ansiklopedisi. C.2. İstanbul: 1989.
19. Hammer-Purgstall J.v. Geschichte der osmanischen Dichtkunst bis auf unsere Zeit. B. 1. Pest: 1836.
20. Özkırımlı A. Türk Edebiyatı Tarihi (ansiklopedik). C. 1. – İstanbul: 2004.
21. Şentürk A. A. Osmanlı Şiiri Antolojisi. İstanbul: 1999.
22. Tarlan A. N. Ahmet Paşa divani. Ankara: 1992.